

*И.Е. Денисов*¹

**Профессор Гао, почитающий Ду Фу.
Памяти друга и коллеги Андрея Карнеева**

И·Е·杰尼索夫

怀念杜甫的高
教授。缅怀好友及同事安德烈·卡尔涅耶夫

*Igor E. Denisov*²

**Professor Gao, Who Reveres Du Fu:
In Memory of a Friend and Colleague, Andrei Karneev**

Если верить в магию чисел, дата рождения Андрея Ниязовича Карнеева предопределила его биографию как ученого. Эту дату каждый китаевед легко запомнит — 9 октября, накануне 10 октября...

Отмотаем историческую ленту намного назад. 10 октября 1911 г. — символический рубеж в судьбе Китая. 10 октября, «две десятки». День Учанского восстания, которое привело к падению правления маньчжуров и рождению Китайской Республики. Стык «династий» и начало совершенно новой бурной эпохи, именно она пленила выпускника историко-филологического факультета Института стран Азии и Африки Андрея Карнеева.

Первые научные работы А. Н. Карнеева были посвящены истории республиканского Китая. Его кандидатская диссертация «Крестьяне и местная власть в гоминьдановском Китае (1927–1937)» была защищена в alma mater — ИСАА МГУ — в 1995 г. До сих пор непревзойденным по глубине исследованием является изданная через десять лет монография «Власть и деревня в республиканском Китае (1911–1949)», написанная в соавторстве с А.А. Писаревым и В.А. Козыревым.

¹ Денисов Игорь Евгеньевич, старший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России. ORCID: 0000-0001-5447-1164 E-mail: iedenisov@yahoo.com

² Igor E. Denisov, Senior Research Fellow at the MGIMO Institute of International Studies, Ministry of Foreign Affairs of Russia. ORCID: 0000-0001-5447-1164 E-mail: iedenisov@yahoo.com

В четвертом томе коллективного труда «Духовная культура Китая» (2009) Андрей Ниязович написал обстоятельный и полный точных наблюдений очерк о периоде 1929–1949 гг. Этот исторический отрезок вместил в себя становление и кризис политической власти Гоминьдана, отражение японской агрессии, был отмечен многочисленными линиями внутреннего раскола и драматическими вызовами для китайского общества. Андрей мастерски справился с этой темой, показывая, что для него давние события — не абстракция, а живая реальность. История — это, разумеется, не даты, а люди, не скупая хроника, а непохожие лица. Андрей Ниязович чувствовал это очень остро, для него китайская история раскрывалась через полнокровные образы ее творцов, никогда не оставалась безличным сводом событий.

В октябре прошлого года, когда мой «собрат» по ИСАА, друг и коллега, отмечал шестидесятилетие, я решил обратиться к символике «двух десятков» и сказал, что поздравляю одного из вдумчивых исследователей страны, в которой произошло Учанское восстание. На что Андрей Ниязович с присущим ему юмором мгновенно парировал исторической шуткой: «Игорь Евгеньевич, еще потом за Наньчанское восстание выпьем!» Наньчанское восстание произошло в 1927 г. и было организовано КПК; оно подарило КНР главный военный праздник — 1 августа, день основания Народно-освободительной армии Китая. Грустно и непоправимо тяжело, что очередную годовщину Наньчанского восстания придется отмечать без Андрея.

Переключившись с годами на изучение идеологических проблем КНР, он живо интересовался не только теоретическими абстракциями, но в первую очередь человеческими судьбами и характерами, был лично знаком со многими китайскими интеллектуалами. В ИСАА, где Андрей Ниязович многие годы проработал заместителем директора, во многом благодаря ему, в семинарах участвовали деятели, взгляды которых порой расходились полярно: например, гонконгский исследователь китайской элиты и любитель сенсационных разоблачений Вилли Во-Лап Лам и экономист Ху Аньган, симпатизирующий «новым левым». Заинтересовавшись медиапроектом «Довэй» (多维新闻网), который искусно балансировал между лояльностью и политической смелостью, Андрей Ниязович пригласил выступить в институте главного редактора, госпожу Жэнь Лу, чтобы получить информацию из первых рук.

А.Н. Карнеев досконально знал китайский политический ландшафт и всегда стремился вникнуть в детали. Обнаружив неожиданный поворот во внутренних дискуссиях, яркое высказывание или новый термин, он всегда спешил поделиться новостью с коллегами. Я быстро привык к его неизменным посланиям в электронной почте: «а ты видел?», «смотри, о чем пишут», «а этот лозунг раньше встречался? кажется что-то новое».

Поделюсь лишь одним фрагментом из эпистолярного наследия Андрея, но очень характерным для него.

Столкнулся недавно с термином 白左 — «белые левые», или «белые леваки». Оказывается, в англоязычных СМИ уже тысячи статей на эту тему. На русском языке, похоже, ничего нет. Поиск дает в основном «левые белые двери от Жижулей» и прочую ерунду (1 декабря 2017 г.).

А.Н. Карнеев на круглом столе в ИСАА МГУ

К письму была приложена статья в «Хуаньцю шибао», в которой объяснялось, что «белые левые» это представители западных либеральных элит. По мнению пользователей китайского интернета, они полностью оторваны от жизни и имеют искаженное представление о мировых проблемах.

Не только об этой дискуссии, но и о многих других, я впервые узнал именно от Андрея. В нем уживались азарт исследователя и досада, что важные подробности ситуации в КНР и настроений в обществе ускользают из поля внимания не только широкой публики, но и многих экспертов. При этом сам он никогда не стремился к сенсационности и саморекламе. Собственный подход А.Н. Карнеева был безупречен: только кропотливый анализ и стремление к истине, что делало каждую его научную статью, каждое интервью особенно значимыми.

Я очень много работал с Андреем как редактор. Долгие годы он писал комментарии для «Голоса России», а затем «Спутника», где я одно время работал. Тексты, как люди, — очень разные, у статей Андрея для Иновещания была одна характерная особенность: очень медленный разбег, плавное и неторопливое вхождение в тему, и где-то только на третьей или четвертой странице вдруг яркая и нестандартная мысль, как настоящая вспышка.

Хотя соблазн вмешаться в текст был велик, я чаще всего оставлял все как есть. Что-то в этом было от педагогического опыта моего автора — постепенное выстраивание материала как в университетской аудитории, детальное объяснение контекста... Все это делает «озарение» особенно емким и убедительным. Текст воспроизводил процесс поиска, Андрей явно не торопился с выводами, пока внутренний «контролер» был готов не просто сухо декларировать идею, а дать результат ее осмысленного пе-

реживания. Да, это был настоящий «контроль качества». Только когда все звенья цепочки были на месте, появлялось мощное заключение.

Его тексты, и не только комментарии для СМИ, — это всегда отражение внутреннего диалога, честного и профессионального. Комментарии Андрея Ниязовича для китайской аудитории имели бешеную популярность, которая сильно удивляла некоторых моих коллег-журналистов. Ведь Карнеев писал о том, что китайцам, казалось бы, очень хорошо известно: о китайской модели, борьбе с коррупцией, «публичных интеллектуалах», о положении госсектора и идеологических дискуссиях, очередном партийном пленуме или съезде ... Важно, что Андрей часто формулировал то, что было знакомо всем «изнутри», но еще не проговорено вслух, и потому он казался обладателем уникального инсайта. Потом сыграла роль научная добросовестность, умение найти неочевидное в очевидном. И еще, конечно, доброжелательность и сопереживание.

Он вообще никогда не замыкал внимание на себе — будь то на научной конференции, или в ходе дружеских застолий в «Сайгоне» на Савеловской, или «банных дискуссий» в Подмоскowie. Андрей Ниязович мог спокойно разогреть дискуссию одним остроумным замечанием, а затем резко сменить тон на более «профессорский» и неторопливый. Но всегда от общения с ним было ощущение комфорта — он не искал личного внимания, но очень часто щедро дарил его окружающим.

Когда человека знаешь давно и общаешься часто, размолвки или мелкие ссоры, наверное, неизбежны. Однако я помню лишь единственный случай, когда Андрей на меня по-настоящему обиделся. На одном закрытом совещании я (признаю — довольно резко) высказался о тезисе, который передо мной горячо отстаивал Андрей Ниязович. Личных упреков не было — я лишь усомнился в тезисе. Мне-то казалось, я формально прав — я же критикую саму идею, а не ее носителя. Тем не менее это ранило его: наверное, я не подумал, что высказанное моим другом очень важно для него, и более продуктивно в ходе «мозговых штурмов» представлять свои идеи, нежели резко оппонировать чужим.

Андрей сам был таким — деликатным и внимательным к мотивам собеседника, всегда умел сглаживать острые углы и возвращать напряженный разговор в конструктивное русло без уколов и острых замечаний. Именно это помогло быстро выправить ситуацию, и больше между нами никогда не было никаких конфликтов.

Китайское имя Андрея Ниязовича Карнеева — Гао Няньфу (高念甫). Его можно прочесть как Гао, почитающий Ду Фу. Никогда не обсуждал с Андреем выбор этого имени, но, мне кажется, оно не просто красивое и поэтичное. Имя Няньфу звучит как символ моральной высоты, а также уважения к китайской интеллектуальной традиции, изучению которой в разных аспектах мой замечательный, мудрый и благородный друг посвятил жизнь. Добрый, внимательный и интеллигентный летописец истории и современности Китая ушел от нас. Мне будет не хватать его проникновенного взгляда на судьбы Китая и китайского народа, неповторимого, личного прочтения событий и идей.